

**СОЦИАЛЬНОЕ
СОДЕЙСТВИЕ:
КАЛИНИНГРАДСКАЯ
ОБЛАСТЬ И РЕГИОНЫ
ОСНОВНОЙ ЧАСТИ
РОССИИ**

П. Б. Торопов*

Н. В. Самсонова*

Рассматривается понятие «социальное содействие» как возможный элемент основы консолидации общества России в период социального реформирования.

Представлены результаты эмпирических исследований уровня и особенностей компетентности в социальном содействии в качестве способности применения специфического круга знаний, системы умений, а также успешности действий на основе опыта в совершенствовании условий развития общества, проведенных в 2012—2013 гг. на территории Калининградской области.

Данные получены в ходе обследования более 400 респондентов с помощью авторской шкальной методики КСС-100, в структуре которой отражены восемь основных элементов компетентности, и формализованного для уточнения понимания объекта исследования и отношения к нему; сравниваются с результатами аналогичного исследования в двух сходных по ряду условий регионах центральной части России.

Результаты свидетельствуют о дисгармоничной, противоречивой структуре компетентности в социальном содействии, невысокой мотивации просоциальной активности молодежи, узости спектра представлений о направлениях возможной активности личности в существующих условиях. Обнаружены гендерные различия в уровне и структуре компетентности.

Предполагается, что некоторые различия в составляющих компетентности, доказанные с помощью математических методов, связаны с географическими особенностями Калининградской области — эксклавностью, относительно небольшими размерами и близостью к странам Европейского союза. Указывается, что имеющиеся на своеобразной территории Российской Федерации условия способствуют формированию

---

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия,
Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 14.10.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-1-7

© Торопов П. Б., Самсонова Н. В., 2015

особенностей мотивации, форм и направлений активности, структуры опыта, которые должны быть учтены при выборе средств и методов организации активности молодежи и могут использоваться в качестве основы для разработки региональной молодежной политики.

Ключевые слова: социальное содействие, методика КСС-100, особенности в компетенции у молодежи региона

Проблема политического единства и совместного решения социально значимых проблем общества продолжает быть актуальной в современных социально-экономических и политических условиях.

Просоциальная активность личности как проявление политического единства и совместного решения социально значимых проблем давно и широко исследуется как в России, так и за рубежом [1; 4]. Однако в доступной нам литературе не описана такая его составляющая, как совместная просоциальная деятельность, направленная на решение глобальных социально значимых проблем.

Несмотря на обсуждение названной проблемы в философии, социологии, психологии и педагогике, практические наработки в России в этой области в основном относятся к периоду становления новой советской педагогики (А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский и др.) и педагогики периода расцвета социализма (И.П. Иванов, Ф.Я. Шапиро, А.В. Мудрик и др.). За рубежом, несмотря на негативную окраску понятия «коллективизм», интерес к нему не угасал как в XX в. (Х. Триандис, Г. Хофстейд и др.) [5; 8], так и в наше время (Д. Ньюман, Р. ЛеФевр) [6; 7] — правда, больше в сфере философии и культурологии.

Явление просоциальной активности личности в группе можно назвать «социальное содействие». Социальное содействие — это инициативная, совместная, осознаваемая как ценность, систематическая, результативная активность, направленная на общественные интересы — совершенствование общественных отношений и условий развития цивилизации [3].

Под компетенцией в социальном содействии мы понимаем способность в ходе коллективных действий применять определенный круг знаний, систему умений, а также успешность действий на основе практического опыта в совершенствовании общественных отношений и условий развития общества (цивилизации).

Значение социального содействия, а следовательно, и компетенции в нем трудно переоценить в обществе, ищущем новые скрепляющие ценности и принципы и осознающем в качестве препятствий развития индивидуализм и потребительство.

Цели и задачи

Целью нашего исследования в 2012—2013 гг. было выявление уровня и особенностей компетенции в социальном содействии молодых россиян.

В качестве задач были определены следующие.

1. Оценить уровень сформированности компетенции в социальном содействии у молодежи.
2. Выявить особенности структуры компетенции в социальном содействии у молодежи Калининградской области.
3. Рассмотреть теоретические возможности связи особенностей компетенции в социальном содействии молодежи Калининградской области с геополитическими условиями региона.

Методическое обеспечение

Нами применялся метод тестирования в сочетании с интервью для глубинной интерпретации результатов. Использование данного комплекта методик представляется нам целесообразным в эмпирическом исследовании, поскольку даёт полную картину компетенции молодежи в социальном содействии и стандартизированные данные, необходимые для сравнения с помощью математических методов, а также позволяет объяснить некоторые наиболее сложные для интерпретации результаты.

Для тестирования нами была использована методика КСС-100. В основе опросника лежат шкалы Р. Лайкерта для самооценки согласия респондента с предложенными положениями. Структура опросника совпадает со структурой компетенции в социальном содействии, разработанной одним из авторов статьи. Она включает восемь элементов (шкал): осведомленность о глобальных проблемах цивилизации, мотивы социального содействия, ценности-цели личности, опыт социального содействия и его оценка, личностные особенности и амбициозность как потенциал активности, намерение и решимость к социальному содействию, а также направленность на партнерство в просоциальной деятельности.

Уровни сформированности компонентов компетенции являются результатами стандартизации методики в 2012 г. [3].

Исследование проводилось индивидуально и в малых группах, в первой половине дня, в нормальных для выборки условиях. Несмотря на значительный объем опросника, проблем с проведением опроса не было. Ответы на вопросы респондентов сняли некоторые сложности в понимании способов заполнения разделов 1 и 2 методики. Время заполнения соответствовало требуемому и составляло до 30 минут.

Формализованное интервью состояло из трех подготовленных вопросов и дополнительных наводящих вопросов, связанных с ответами респондента. Целью первых из них было уточнение понимания содержания методики, выявление отношения к социальному содействию как к поведению в современных условиях и конкретизация возможных проблем при работе с методикой. Последующие вопросы позволяли самому респонденту увидеть противоречия и проанализировать полученные результаты. При их анализе использовались возможности пакета обработки данных Microsoft Excel.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие около 400 респондентов — юноши и девушки 19—25 лет ($M=19,5$), проживающие как в городах, так и в сельской местности. Почти две трети респондентов — девушки. Неполное высшее образование имеют более 88%. Исследование проводилось в городах Калининград, Смоленск и Рязань с сентября 2012 по сентябрь 2014 г. При этом респонденты в Смоленске и Рязани рассматривались в качестве контрольной группы.

Несмотря на гендерную смещенность, выборку можно считать репрезентативной для социальной группы учащейся молодежи (студенчество).

Результаты исследования

В ходе решения *первой задачи* были получены следующие данные.

Уровень осведомленности о глобальных проблемах, которые могут негативно сказаться на развитии цивилизации, в целом низкий. В основном респонденты указывали экологические, экономические проблемы, а также этнические и межкультурные конфликты. Практически не представлены в сознании молодежи проблемы, связанные с низкой личной эффективностью, индивидуализмом и отсутствием просоциальных жизненных целей.

Почти все респонденты (более 95%; здесь и далее при доверительной вероятности 99% доверительный интервал $\pm 2,8\%$) в качестве мотивов социального содействия видят социальные и познавательные мотивы.

Жизненная цель у респондентов выражена, однако выявлены достоверные различия по этому показателю между мужчинами и женщинами. У мужчин цель связана с решением глобальных проблем и часто рассматривается как основная (миссия). У женщин целеполагание более рассеяно, связано с решением личных проблем и далеко не у всех выражено в качестве миссии. Как у мужчин, так и у женщин уровень целеполагания высокий, при этом оно направлено на достижения и изменения общества.

Подавляющее большинство респондентов имеют незначительный опыт в социальном содействии, а удовлетворенность от него — невысокую. Среди форм опыта преобладают общественная активность и защита прав и свобод.

Для респондентов свойственны: средний уровень социетизма; достаточно высокий уровень уверенности в своих силах; высокий уровень эмпатии и самостоятельности. Однако степень развития таких социально-психологических характеристик, как взаимное доверие, социальная ответственность и амбициозность, невысока.

Предпочитаемая активность находится на уровне города или региона.

Степень готовности к социальному содействию в целом высока. Респонденты положительно относятся к конкретному поведенческому акту, однако не чувствуют понимание и поддержки окружающих.

Уровень решимости реализовать намерение в целом также высок. У респондентов высока способность обращать внимание на других и видеть их проблемы, понимать ситуацию как критическую и требующую вмешательства, однако они не всегда готовы взять на себя ответственность за помощь и содействие. Респонденты считают, что не обладают специальными знаниями (опытом) для оказания помощи и не способны игнорировать возможные негативные последствия для себя.

Нами ранее было выявлено [2], и данный опрос также показал, что у большинства (почти 70%; доверительный интервал $\pm 6,8\%$) существует противоречие в структуре готовности к социальному содействию и решимости на конкретный поступок.

Применяемая методика дала слабо выраженное разделение выборки на респондентов с высокой направленностью на партнерство (около 60%; доверительный интервал $\pm 7,1\%$) и не имеющих такой направленности.

Выводы и обсуждение результатов

Общий показатель компетентности в социальном содействии у половины респондентов (53%; доверительный интервал $\pm 7,4\%$) оптимальный, неустойчивый. У 21% (доверительный интервал $\pm 6\%$) — продвинутый, устойчивый; и лишь у 17% (доверительный интервал $\pm 5,6\%$) — высокий, направленный. Менее 10% респондентов показали уровень очень высокий и акцентуированный, однако большая часть из них при интервью проявили себя как «желающие обратить на себя внимание» или выделиться в группе. В результате менее 5% респондентов соответствовали уровню «очень высокий и акцентуированный». Но именно эти представители молодежи, по отзывам преподавателей и коллег, действительно проявляли в очень высокой степени качества, заложенные в основание идеи опросника.

Как сказано выше, у значительной части респондентов проявляются пять противоречий.

Первое отражено в низких показателях по шкале «Информированность о глобальных социальных проблемах», но высоких показателях при оценке значимости этих проблем. Это можно объяснить повышенной эмоциональностью и стремлением дать социально одобряемый ответ при оценке проблем, которые достаточно часто обсуждаются в средствах массовой информации. С другой стороны, это может быть результатом воспитательного воздействия, вследствие которого у личности сформирована установка на положительную оценку просоциальных поступков. Однако в связи с низким уровнем информированности о проблемах эта установка остается нереализованной.

Второе противоречие заключается в сочетании положительной мотивации просоциальной активности и низкого уровня опыта такой деятельности. В ходе интервью данное противоречие часто объяснялось отсутствием знаний о спектре возможной активности и условий для проявления желаний. С точки зрения результативности системы воспитания такие итоги могут быть следствием ее теоретической направленности с небольшими возможностями реализации закладываемых ценностей.

Третье противоречие обусловлено высокой степенью уверенности в своих силах, эмпатии и самостоятельности и одновременно низким уровнем взаимного доверия, социальной ответственности и амбициозности. Возможно, высокие показатели связаны со статусом респондентов: все они — студенты вузов, причем получают профессии, связанные с общением между людьми (педагоги, психологи, социологи). Низкий уровень доверия можно объяснить некоторой профессиональной деформацией, связать с пониманием людей и возможностью манипуляции ими в процессе общения, а также профессиональной готовностью к менеджменту в сфере образования или к психологической поддержке клиента. При этом низкие показатели по амбициозности и социальной ответственности можно считать недостатком в профессиональном воспитании. Молодежь с такими показателями достаточно исполнительна, но малоинициативна и не принимает на себя полной ответственности за результаты профессиональной деятельности.

Четвертое противоречие имеет место в готовности к социальному содействию: респонденты положительно относятся к конкретному проявлению содействия, однако не чувствуют понимания и поддержки в социуме. Это резко снижает проявление просоциального поведения в реальности, в том числе в группе при решении глобальных социальных проблем. Причина этого скрыта, на наш взгляд, в продолжающем существовать разрыве систем воспитания в государственных учреждениях и семье, в использовании подростками одновременно двух систем ценностей: поощряемую и предлагаемую государством и реализуемую на практике в семье.

Пятое противоречие частично связано с четвертым и находит свое отражение в решимости реализовать намерение быть активными: респонденты готовы к активности, но не готовы к ответственности и обращают значительное внимание на возможные негативные последствия для себя. Именно преувеличение негативных последствий, ожидание негативной реакции общества в целом и семьи в частности приводят к снижению решимости в социальном содействии, социальному пессимизму.

Повышенная направленность на партнерство может быть объяснена особенностями выборки — как возрастными особенностями, так и постоянным взаимодействием, нахождением в учебных группах.

Необходимо отметить, что ни у одного из испытуемых не был получен гармоничный профиль, что подчеркивает наличие противоречий в социальном содействии как цивилизационной компетенции.

В ходе решения *второй задачи* нами были рассмотрены различия в выборках, обусловленные местом проживания — анклав Российской Федерации Калининградская область (первая группа респондентов) и основная территория России (вторая — контрольная — группа).

Для выявления достоверных различий применялся t-критерий Стьюдента, так как распределение признака в выборке близко к нормальному (асимметричность незначительна, а эксцесс близок к 0).

Нами не зафиксированы различия в степени мотивации, амбициозности, социальной ответственности. В готовности обеих групп домини-

руют представления о легкости реализации просоциальных задач, а по шкале «решимость» очень близкие показатели у социальной наблюдательности и социальной эмпатии.

По уровню осведомленности о глобальных (цивилизационных) проблемах достоверных различий между группами не найдено (даже при $p = 0,05$). Но необходимо отметить: несмотря на то, что уровень информированности достоверно не отличался, спектр глобальных цивилизационных проблем, указанных калининградцами, был несколько шире. Молодежь Калининграда чаще называла проблемы, связанные с защитой прав и свобод, пассивностью и личностной эффективностью. В то время как представители контрольной группы чаще обращали внимание на экологические проблемы, проблемы межкультурных конфликтов и бедности.

Нами были обнаружены достоверные различия ($p = 0,01$) в личностных целях респондентов. Калининградская молодежь более ориентирована на одну глобальную цель в жизни, при этом у нее выше осознание собственной миссии, сильнее выражены направленность на совершенствование мира и чувство гордости за собственные поступки. Эти показатели нельзя назвать высокими, однако они достоверно превышают такие же показатели молодежи контрольной группы.

При $p = 0,05$ обнаружены различия в уровне опыта социального содействия и отношения к нему. У калининградцев он несколько выше. Среди форм опыта преобладают общественная активность и защита прав и свобод.

Среди личностных особенностей калининградцев ярче выражены социетизм, уверенность в собственных силах, самостоятельность, взаимное доверие и направленность на партнерство.

В шкалах готовности к социальному содействию и решимости реализовать намерения противоречия у молодежи Калининградской области выражены менее сильно. При этом калининградцы больше чувствуют понимание и поддержку окружающих. Они чаще интерпретируют ситуацию как критическую и требующую вмешательства, однако, как и представители контрольной группы, не хотят брать на себя ответственность за помощь и содействие.

Мы думаем, что выявленные сходства в результатах, показанных разными группами, в большой степени объясняются воздействием и ограничениями системы образования (содержанием учебных программ) и воспитания (направленностью на формируемые ценности — индивидуальные и национальные).

Выявленные же различия, по нашему мнению, связаны с геополитическим положением Калининградской области.

Эксклавный статус региона, его малые, по сравнению с общей территорией России, размеры, возможность посещения приграничных государств (Литвы, Польши) приводят к более широкой идентичности молодых калининградцев, что выражается в принятии глобальных проблем цивилизации и рассмотрении их как более близких.

Окружение региона странами, подчеркивающими на политическом уровне свою независимость и принадлежность к иному геополитическому блоку, вызывает у населения склонность к формированию груп-

пы «мы» в сравнении с группой «они», идейному единению и желание проявлять его в совместной деятельности. Это выражено в приоритетах регионального и глобального уровня активности у калининградской молодежи. В связи с малыми размерами области большинство социальных проектов — региональные, т.е. они охватывают всю ее территорию и рассматриваются молодежью как близкие к глобальным.

Надо отметить, что в связи с ограниченностью территории Калининградского региона все имеющиеся здесь социальные, экономические и политические проблемы становятся более заметными, активнее комментируются в СМИ, что приводит к общему пониманию проблем и некоторому единству подходов к их решению.

Результаты исследования позволяют предположить, что различия связаны именно с местом проживания респондентов. Полученные данные могут быть использованы при формировании молодежной политики на уровне региона и проведении воспитательной работы в учреждениях сферы образования.

Список литературы

1. Гольцова Т.В. Исследования просоциального поведения детей в зарубежной психологии // Актуальные проблемы педагогики и психологии : сб. науч. тр. Орёл, 2004. С. 27—30.
2. Торопов П.Б. Исследование установки на социальное содействие: методы и методики // Социальное содействие: опыт без границ. 2013. №1. Калининград, 2014. С. 66—76.
3. Торопов П.Б. Социально-правовая компетенция: подходы к измерению // Социальное содействие: опыт без границ. 2012. №3. Калининград, 2013. С. 59—63.
4. Hastings P. D., Utendale W. T., Sullivan C. The Socialization of Prosocial Development // Handbook of Socialization: Theory and Research / ed. by J. E. Grusec, P. D. Hastings. The Guilford Press, 2008.
5. Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA, 1984.
6. LeFebvre R., Franke V. Culture Matters: Individualism vs. Collectivism in Conflict: Decision-Making // Societies. 2013. №3. P. 128—146.
7. Newman D. G. Value Collectivism, Collective Rights, and Self-Threatening Theory // Oxford Journal of Legal Studies. 2013. Iss. 1.
8. Triandis H. C., Bontempo R., Villareal M. J. et al. Individualism and Collectivism: Cross-Cultural Perspectives on Self-Group Relationships // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol. 54, No 2. P. 323—338.

Об авторах

Павел Борисович Торопов, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и социальной работы, Институт социально-гуманитарных технологий и коммуникации, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: toropov.pavel@gmail.com

Надежда Владиславовна Самсонова, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта, Институт рекреации, туризма и физической культуры, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: nsamsonova@kantiana.ru

SOCIAL FACILITATION: THE KALININGRAD REGION AND RUSSIAN MAINLAND REGIONS

P. Toropov*

N. Samsonova*

** Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Submitted on October 14, 2014

The authors look at the concept of social facilitation as a possible component of Russian social consolidation in the course of social reforms. The article focuses on the results of an empirical study of the levels and characteristics of competence in social facilitation, which is here understood as the ability to apply certain knowledge and systems of skills and as a success rate of actions based on experience in improving the conditions of social development. The study was conducted in the Kaliningrad region in 2012—2013. The data was obtained through a survey of 400 respondents using the authors' methodology encompassing eight basic elements of competence and a structured interview aimed at a better understanding of the subject of the study and attitudes towards it. The data is compared against the results of a similar study in two regions of central Russia with similar conditions.

The results suggest a disharmonic and inconsistent structure of competence in social facilitation, low motivation for social activity in youth, and a narrow range of ideas about possible areas of personal activities in the current conditions. Gender differences are identified in the level and structure of competence.

The authors believe that certain differences in competence components identified through mathematical methods are determined by the geographical characteristics of the Kaliningrad region — its exclave nature, a relatively small territory, and proximity to the EU countries. It is stressed that the regional conditions affecting motivation, forms and areas of activities, and structure of experience should be taken into account in selecting means and methods of organising youth activities. They can also serve as a basis for the regional youth policy.

Key words: social facilitation, methodology, regional characteristics of competence in youth.

References

1. Goltsova, T. V. 2004, Issledovanija prosocial'nogo povedenija detej v zaru-bezhnoj psihologii [Studies prosocial behavior of children in foreign psychology], *Aktual'nye problemy pedagogiki i psihologii* [Actual problems of pedagogy and psy-chology], Orel, p. 27—30.
2. Toropov, P. V. 2013, Issledovanie ustanovki na social'noe sodejstvie: metody i metodiki [The study setting for social assistance: methods and techniques], *Social'noe sodejstvie: Opyt bez granic* [Social assistance: Experience Without Borders], no. 1, Kaliningrad, p. 66—76.
3. Toropov, P. V. 2012, Social'no-pravovaja kompetencija: podhody k izmere-niju [Social and legal competence: approaches to measuring], *Social'noe sodejstvie: Opyt bez granic* [Social assistance: Experience Without Borders], no. 3, Kalinin-grad, p. 59—63
4. Hastings, P. D., Utendale, W. T., Sullivan, C. 2008, The Socialization of Pro-social Development. In: Grusec, J. E., Joan E. Grusec and Paul D. Hastings, P. D. (eds.), *Handbook of Socialization: Theory and Research*.
5. Hofstede, G. 1984, *Culture's consequences: International differences in work-related values*, Beverly Hills, CA, Sage Publications.
6. LeFebvre, R., Franke, V. 2013, Culture Matters: Individualism vs. Collectivism in Conflict: Decision-Making, *Societies*, no. 3, p. 128—146.
7. Newman Dwight G. Value Collectivism, Collective Rights, and Self-Threatening Theory. University of Saskatchewan College of Law. September 15, 2012. *Oxford Journal of Legal Studies*, Issue 1, 2013.
8. Triandis, H. C., Bontempo, R., Villareal, M. J., Asai, M., Lucca, N. 1988, In-dividualism and Collectivism: Cross-Cultural Perspectives on Self-Ingroup Relationships, *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 54, no. 2, p. 323—338.

About the authors

Dr Pavel Toropov, Associate Professor, Department of Psychology and Social Work, Institute of Social and Humanities Technology and Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: toropov.pavel@gmail.com

Prof Nadezhda Samsonova, Department of Theory and Methodology of Physi-cal Education and Sport, Institute of Recreation, Tourism and Physical Education, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NSAMSONOVA@kantiana.ru